

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛИТНЫХ СЛОЕВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

УДК 323 (477)

А.В. Беляев

Белорусский национальный технический университет

Политическая элита является, без сомнения, важнейшим социальным слоем, который оказывает прямое влияние на все политические и социально-экономические процессы в обществе. При этом элиты современного общества и протоэлиты более древнего периода имеют существенные различия, как в плане осуществляемых функций, так и по своим качественным характеристикам, способам циркуляции и рекрутирования и другим признакам.

Вопрос о формировании элитных слоев на белорусских землях в настоящее время имеет особое значение. В рамках суверенного государства, которым Республика Беларусь стала чуть более четверти века назад, существует необходимость создания национальных парадигм исторических и политических процессов для оправдания самого факта его (государства) существования. Поиски «исторических корней» при этом вызывают у некоторых исследователей соблазн модернизации истории, попытки тенденциозного подбора фактов для оправдания сложившейся ныне ситуации, а также произвольное использование искусственно расширенных или, наоборот, урезанных толкований тех или иных терминов и категорий науки. В условиях недостаточной проработки ряда тем, а также отсутствия корреляции между исследованиями в области истории и в политической сфере, это может привести к возникновению ложных теоретических конструктов.

В Республике Беларусь в настоящее время отсутствуют комплексные исследования по истории элит, а отдельные публикации могут давать не совсем верное представление о веках эволюции этой важной социальной группы. Так, например, в научно – популярном издании «Из истории благородного сословия в Беларуси и соседних государствах» в качестве элитарных слоев на белорусских землях рассматривается лишь шляхетско-рыцарское сословие «Литовско-русского» государства и Речи Посполитой [1]. При этом полностью игнорируется этап Древнерусской государственности как начальный период формирования политической иерархии на землях Белоруссии.

Или, к примеру, в статье С.Ф. Шимуковича «Актуальные вопросы изучения национальной белорусской элиты в XIX – начале XX века» содержится произвольное расширительное употребление термина «элита»: «В данном исследовании понятие «элита» рассматривается не в узком смысле политической элиты как носителей власти, облеченных официальным статусом государственных деятелей либо руководителей более низкого ранга, а как наиболее активной, творческой части общества, способной сформулировать некую идею и попытаться повести за собой остальное общество в его достижении. Данное понимание элит использует принципы, сочетающие особенности структурно-функционального

подхода к анализу социальных групп общества, так и критерии ценностной оценки социальных групп, претендующих на роль элиты» [2, с. 207]. Несмотря на утверждения автора о попытке сочетать в своем определении ценностный и структурно-функциональный подходы, на самом деле мы видим здесь именно меритократическое, ценностное понимание элиты как наиболее мудрых и достойных представителей народа. При этом их место в социальной и политической иерархии, возможность реально оказывать влияние на принятие политических решений никак не учитывается.

Кроме того, на наш взгляд, в данном случае речь идет о попытке подмены понятий: элита политическая и элита в сфере культуры. На роль политической элиты ставятся представители белорусской национальной интеллигенции середины XIX - начала XX века, которые на самом деле к таковой не относились. Мелкое дворянство (в основном польского происхождения, либо из числа местной ополяченной шляхты), разночинная интеллигенция (в основном католического вероисповедания) – это те слои общества, из которых вышли первые представители белорусского национального движения (В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич, И. Луцкевич, А. Луцкевич, А. Пашкевич и др.). С политологической точки зрения их с натяжкой можно отнести к представителям «правлящего класса», но никак не к элите.

Представляется, что в исторических работах необходимо все же определять термин «элита» в классическом (и достаточно широком) политологическом понимании, как «высший слой в любой социально-политической системе, обеспечивающий ее интеграцию и выполняющий управленческие функции (как, например, аристократия в традиционных обществах)» [3, с. 230]. При таком подходе, как утверждает один из наиболее авторитетных российских исследователей-элитологов Г.К. Ашин, элита может рассматриваться как внеисторическая категория, присущая любому обществу [3, с. 230]. С точки зрения научного анализа, такая позиция дает нам более точные критерии отнесения тех или иных лиц и социальных слоев к элитным группам и исключает спекуляции по данному вопросу. Также, как кажется, в исторических исследованиях необходимо более точно разграничивать понятия «правлящий класс», «правлящая элита» и «политическая элита». Если политическая элита – это высокоинтегрированная группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения [3, с. 254–255], то в правящую элиту также входит экономическая элита, контролирующая материальные и финансовые ресурсы общества (а в информационном обществе в состав правящей элиты должны входить научная и культурная элиты) [3, с. 255].

При этом для феодального общества, сформировавшегося на белорусских землях в эпоху Древней Руси (IX–XII вв.) и продолжившего существование в условиях становления Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а также и в период Речи Посполитой, характерным явлением было объединение в рамках феодального сословия политической, экономической и научно-культурной элиты, что было обусловлено господствующим положением

феодалов и отсутствием каких-либо социальных лифтов для представителей непривелегированных сословий.

В древнерусский период основой элитной группы становится княжеская династия и сгруппированная вокруг нее дружина. Если принять за основу летописные сведения о призвании варягов на Русь, то можно предположить, что первые князья (Рюрик, Олег, Игорь, а также и Рогволод в Полоцком княжестве) и их дружинники имели скандинавское (варяжское) происхождение. Однако «норманнской» этнократии на русских землях, по-видимому, не сложилось, так как варяжский элемент быстро был разбавлен славянским. Однородности общества способствовало и принятие христианства в варианте византийского православия, которое стало общей религией и высшего слоя, и простых подданных.

Представители княжеской династии в более поздний период, при Владимире и Ярославе Мудром, благодаря практике раздачи княжеств в уделы сыновьям, превратились в высший слой общества, который по современной классификации можно считать высшей элитой. Дружина – это прообраз средней политической элиты. Она делилась на высшую и низшую: первая состояла из княжих мужей, или бояр, вторая – из детских, или отроков. Помимо военной функции, члены дружины (особенно бояре) составляли основу слабо развитого еще в те времена административно-бюрократического аппарата. К этой элитной группе также примыкали выбираемые горожанами чиновники: посадники, тысяцкие, сотские, десятские. Можно утверждать, что первоначально представители средней элиты были элитой меритократической, элитой заслуг (в дружину попадали за военные доблести или деловые административно-управленческие качества). Однако дружина, особенно боярство, быстро превращается в наследственную элиту, «элиту крови».

В период Великого княжества Литовского можно наблюдать распространение на белорусских землях власти этнических литовских (балтских) князей, что стало началом отдаления местных правящих слоев от подвластного населения. Эта тенденция продолжилась в момент проникновения на земли Великого княжества Литовского католицизма. Кревская уния 1385 г. положила начало традиции, когда правитель в большинстве своем православных земель стал исповедовать чуждую для основной массы подданных религию. Для поддержки князя со стороны правящего слоя в 1413 г. условиями Городельской унии создается возможность перехода в католицизм с получением политических и иных привилегий представителям местной знати, в это же время появляется и распространяется новое название для высшего сословия – шляхта.

В дальнейшем укрепление политических связей с Польшей привело к заключению Люблинской унии 1569 г. и инкорпорации в состав Польского королевства литовско-русских земель. Длительный процесс окатоличивания привел к появлению религиозного разрыва между элитой и массами в Великом княжестве Литовском. Дополненный процессом полонизации, связанным с распространением среди шляхты польского языка и культуры, процесс кардинального изменения национальной и религиозной идентичности правящего слоя привел к появлению

уникального феномена – «польского народа шляхетского», то есть социально-религиозно-национальной группы, занявшей господствующее положение в Речи Посполитой. Данное элитное сообщество не было единым по отношению друг к другу: шляхту разделяют на мелкую, среднюю и магнатов, при этом они обладали разными статусными позициями в политической и экономической системе королевства. Однако в отношении своих «золотых шляхетских вольностей» шляхта выступает интегрированной группой, когда речь шла о покушении на данные вольности со стороны низших слоев или иных религиозных групп.

В период Российской империи политической элитой на белорусских землях было российское дворянство и приравненные к нему представители прежнего шляхетского сословия, которые сумели в ходе процесса «разбора шляхты» доказать свое знатное происхождение. Политика властей императорской России по интеграции бывших земель Речи Посполитой заключалась в том числе в мероприятиях по приближению положения шляхты (многочисленной и по большей части бедной, а также за годы «вольностей» утратившей позиции в госаппарате) к положению русского дворянства (меньшего по численности, но материально более обеспеченного и занимавшего господствующее положение в бюрократической административной машине). При этом в научных исследованиях не нашел подтверждения тезис о широком внедрении в местный административно-государственный аппарат приезжих чиновников из центральных регионов России. Наоборот, доля местных уроженцев на ключевых постах в губернских и уездных учреждениях в середине XIX века составляла 58 % и 80 % соответственно [4, с. 84].

Советский период связан с физическим уничтожением, деклассированием и маргинализацией всех предыдущих элитных групп, с разрушением сословной системы и выдвижением на руководящие посты представителей ранее угнетаемых социальных слоев. При этом сформировалась специфическая номенклатурная система, где главным требованием к элите становится идеологическая преданность режиму, а вовсе не деловые качества. Кроме того, в позднесоветский период формируется клановая система родственно-дружеских связей, что пагубно сказывается на интеллектуальных и деловых качествах политического класса.

Список источников и литературы

1. Из истории благородного сословия в Беларуси и соседних государствах. Изд-е 4, доп. / Сост. Чекалова И.В., ред. Васильева А.Н. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – 312 с.
2. Шимукович, С.Ф. Актуальные вопросы изучения национальной белорусской элиты в XIX - начале XX века / С.Ф. Шимукович // Научные труды Республиканского института высшей школы. - 2015. - № 15-1. - С. 205-212.
3. Ашин, Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 600 с.

4. Киселев, А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Монография / А.А. Киселев. – Минск, 2007. – 171 с.